

ПРОЛОГ

Диана

Сентябрь 1999 года

— Теперь ты сама видишь, Ди, милая моя, — скорбно поджав губы, с печальным видом заявила дочери Мишель О’Салливан, — что я заслужила небольшой отдых. Ведь мне было всего-навсего двадцать, когда я родила тебя. А потом на свет появился наш Дамиан, потом Джейсон, а потом и Гарт. И если ты помнишь, то очень скоро после рождения Гарта твой отец бросил нас и сбежал.

Это было несправедливо по отношению к отцу Дианы. Официально он развелся с женой из-за потери взаимопонимания, несхожести интересов и невозможности дальнейшего совместного проживания. Но в бумагах о разводе ни слова не было сказано о том, что на самом деле брак распался потому, что супруга четырежды изменила ему с разными мужчинами. Дело дошло до того, что Джим О’Салливан не взялся бы с уверенностью утверждать, кому из своих детей, не считая Дианы, он приходится родным отцом. Поэтому в один далеко не прекрасный день он попросту взял и исчез.

— Тебе восемнадцать, и ты уже вполне взрослая, чтобы взять на себя хоть немного ответственности и дать своей бедной мамочке отдохнуть, — продолжала Мишель, и в голосе ее явственно прозвучали надрывные нотки. — Уоррен — очень милый и славный мальчик, но он ведь моложе меня, так что было бы нечестно ожидать от него, что он переедет к нам и станет воспитывать детей другого мужчины.

Диане даже не пришло в голову возразить матери, что все свое время Уоррен тратит исключительно на самого себя, по-

скольку до сих пор находится в поисках достойного занятия, не обременяя себя заботой о хлебе насущном.

Сделав паузу, чтобы перевести дух и подчеркнуть важность момента, Мишель глубоко затянулась сигаретой, бросив выразительный взгляд на дочь. Ее большие голубые глаза увлажнились. В обтягивающих черных джинсах и красном топе, украшенном расшитым блестками сердцем, она выглядела значительно моложе своих тридцати восьми лет. На ней были сандалии на четырехдюймовых каблуках, и Диана заметила, что ярко-красный лак на мизинцах облез.

— Вот почему, милая, — театральнo вздохнув, сообщила мать, — я решила, что будет лучше, если я просто уеду и мы с Уорреном сможем пожить некоторое время вместе, вдвоем, только он и я, а ты тем временем станешь присматривать за своими братьями. Мы с Уорреном постараемся подыскать себе какое-нибудь подходящее жилье. Собственно говоря, у него уже есть на примете маленький чудесный домик с одной спальней в деревушке Меллинг, неподалеку от Ливерпуля. Послушай, Ди, там во дворе растет восхитительное дерево; Уоррен говорит, что это вишня. — Мишель швырнула недокуренную сигарету в камин и с отвращением выглянула в окно, из которого открывался гнетущий вид на крошечный задний дворик. Его стены, сколько себя помнила Диана, вечно нуждались в покраске. В нескольких метрах от окна высилась стена соседнего дома. Что же касается их приусадебного участка, то он заканчивался у входной двери, которая выходила прямо на тротуар. — Дерево, Ди! Ты можешь себе представить, каково это — видеть настоящее, живое дерево?

Диана сочувственно улыбнулась. До сих пор мать как-то не изъявляла желания любоваться полями, деревьями, ягнятами, цветами и прочими прелестями природы, но девушка отличалась доверчивостью, и ей даже в голову не пришло, что мать может и не говорить всей правды.

— Когда ты хочешь уехать, мам? — поинтересовалась Диана.

— Пожалуй, я отправлюсь сегодня, сразу же после обеда, — небрежно откликнулась Мишель, словно тот факт, что всего через пару часов, да еще в субботу вечером, она намеревалась навсегда оставить своих детей, представлялся ей самым обычным делом. — Я приготовлю тушеное мясо, чтобы твоим братьям было чем утолить голод, когда они вернутся после футбола домой. А завтра ты уже сама купишь что-нибудь в супермаркете. Как только мы с Уорреном устроимся, я позабочусь, чтобы ты получала пособие на содержание мальчиков. — В данный момент трое ее сыновей были еще в школе, на занятиях. Мать потянулась к сумочке. — Я оставляю тебе несколько фунтов на первое время, ладно?

— Это совсем не обязательно, мам. Мне вполне хватит собственных денег.

На мгновение глаза Мишель наполнились слезами. Она прекрасно понимала, что беззастенчиво пользуется тем, что у ее Дианы доброе и любящее сердце. Немногие восемнадцатилетние девушки с охотой согласились бы воспитывать троих шумных и буйных мальчишек, да еще и неопределенно долгое время, но ее дочь не колебалась ни секунды. Впрочем, это случалось далеко не в первый раз. С тех пор как Диане исполнилось двенадцать, ей уже неоднократно приходилось исполнять роль матери для своих братьев.

И в который раз Мишель в душе пожалела о том, что Диана пошла в отца, хотя женщина и отдавала должное порядочности дочери. Ди поразительно походила на Джима — такая же высокая и нескладная, с огромными ступнями и большущими белыми руками. Она родилась в день бракосочетания Чарльза и Дианы¹, чем и объяснялось ее имя. И теперь, оглядываясь назад, Мишель видела, что ее дочь становится все больше и больше похожей на принцессу Уэльскую, да упокоит Господь ее душу. По крайней мере, сердца у обоих были одинаковыми — мягкими и любящими.

¹ Имеется в виду бракосочетание наследного принца Уэльского Чарльза и леди Дианы Спенсер. (Здесь и далее примеч. пер.)

Броуди

Октябрь 2004 года

— Ты только представь себе, — произнес Колин, забираясь в постель, — что теперь нам не нужно долгими часами лежать без сна, надеясь услышать, как в двери внизу поворачивается ее ключ. И уже завтра мы сможем поспать подольше, хоть до полудня, а после обеда пойдем на мессу.

Броуди ничего не ответила, хотя и подумала про себя, что уж *она-то* наверняка будет лежать всю ночь с открытыми глазами, беспокоясь о том, заснула ли уже Мэйзи, их дочь, которую они сегодня оставили в ее новой комнате в общежитии университетского студенческого городка.

Колин просунул руку ей под спину и привлек жену к себе.

— И когда мы будем заниматься любовью, ты можешь кричать так громко, как тебе вздумается, — заговорщическим шепотом сообщил он.

— Кричать?

Он поцеловал ее в плечо.

— Когда у нас еще не было детей, ты кричала во время секса во все горло.

— Неправда! Ничего подобного не было, — с негодованием отвергла инсинуации мужа Броуди.

— Было-было, дорогая. Я не вру. — Колин крепче прижал ее к себе. — Хорошо, что этот дом стоит на отшибе, иначе соседи непременно подали бы на нас жалобу.

— Ты преувеличиваешь. — Теперь, думая об этом, Броуди вдруг пожалела, что сдерживалась и действительно не кричала в экстазе. — А ты, похоже, ничуть не огорчен тем, что мы расстались с Мэйзи.

— У меня разрывается сердце, — просто и серьезно ответил Колин. — Я буду очень скучать по ней, но здесь есть и положительные моменты: мы ведь не расстались с ней *по-настоящему*, тем более что один раз мы уже пережили разлуку с Джошем. И я горжусь тем, что наши дети учатся в университете. А мы

можем жить так, словно мы с тобой снова вдвоем, словно мы только что поженились, и для начала ты можешь кричать во весь голос, когда мы займемся любовью. Так что следующие несколько недель станут для нас вторым медовым месяцем.

— Ох, замолчи, пожалуйста! — Броуди недовольно завозилась, стараясь отодвинуться, и муж притянул ее к себе.

— Нет, я тебя никуда не отпущу, — прошептал ей на ухо Колин. Он поцеловал Броуди в шею, потом в плечо, и рука его скользнула к ее груди. — Для чего ты надела рубашку? Неужели на тот случай, если кто-нибудь из детей проснется среди ночи и тебе придется встать и подойти к нему? Если я правильно помню, ты назвала именно эту причину, когда перестала ложиться в постель обнаженной.

Ему удалось добиться невозможного: он разозлил и одновременно возбудил ее, и Броуди не знала, какому чувству поддаться в первую очередь. Поразмыслив немного, она решила, что второй вариант все-таки предпочтительнее первого. Откинув в сторону пуховое одеяло, она принялась стягивать с себя ночную рубашку.

Броуди проснулась ровно в четверть восьмого, когда первый луч забрезжил в щели между неплотно задернутыми портьерами. Ее ночная рубашка валялась на полу, небрежно сброшенная прошлой ночью.

Женщина встала, накинула на плечи невесомое одеяние и вновь опустилась на край постели, глядя на Колина, который лежал на боку и негромко посапывал. Ему уже исполнилось сорок четыре, но выглядел он намного моложе своих лет, особенно во сне, расслабленный и умиротворенный. Его прямые каштановые волосы, слегка растрепанные сейчас, ничуть не поредели, и в них до сих пор не появилось ни одной седой пряди. То же и с морщинами. Несмотря на то что Броуди была на три года моложе мужа, морщины уже густо разбегались в уголках ее глаз, в то время как мальчишеское лицо Колина оставалось все таким же гладким. Когда он бодрствовал, его чело бороздили морщины: он недовольно хмурился, словно